

рассказы

136

Достаточно одной песни

Ландыши

– Купите ландыши! Ландыши! Лучшего подарка для любимых вам не найти!.. – кричала цветочница, пристроившись у входа на Малый городской базар.

Настроение у Фаннура было отменное. «Куплю, а почему бы и нет!» – подумал он и стремительно, будто на крыльях, подлетел к торговке.

Сегодня он счастлив, как никогда. Сердце парня замирало от нахлынувших чувств...

Ах ландыши! Как они красивы! Жемчужные колокольчики их так изящны, сколько в них чистоты и невинности! На листьях ещё не просохли трогательные капельки росы. Казалось, цветы, подобно мифическому Нарциссу, влюблены в себя и плачут от гордости и восторга. Не всякий замечает красоту этих цветов. Увидит её лишь тот, кто любит глубоко, по-настоящему, у кого от счастья кружится голова. Только такой человек имеет право дарить ландыши.

– Нельзя ли букетик? – спросил Фаннур.

– Выбирай, какой приглянулся. Я

только что нарвала их! – живо ответила женщина и добавила: – Вот этот очень красив. На нём колокольчики раскрылись ещё не все. И какой аромат! Так пахнет сама весна, сама юность и невинность. Бери, не пожалеешь!

Фаннур осторожно сжал букет в ладони.

– Желаю ей счастья! – негромко сказала цветочница вслед. – Будь счастлив и сам!

– Спасибо! Вам тоже счастья! Спасибо! – повторил парень и легко полетел прочь. Казалось, сам ветерок уносил его на резвых своих крыльях...

Глаза Фаннура подёрнулись влагой, живительные капли весеннего дождя-ляйсана весело заиграли на его ресницах.

Как некстати! Только дождя и не хватало! Надо спешить! А всё было так замечательно! Сегодня ведь такой радостный день!..

Фаннур был уже возле общежития, когда дождевые капли участились. Неожиданно налетел ураганной силы ветер. Порывы его были столь ужасны, что казалось, будто он собирается разнести здание на кусочки. Разъярившись,

ветер швырял пригоршни песка в окна даже пятого этажа, куда поднялся Фаннур. Ураган был явно зол на кого-то. Но на кого? Чем могли провиниться перед ним простые, счастливые люди?

Фаннур подбежал и захлопнул в коридоре окно. Уловив аромат цветов у себя за пазухой, он приостановился. Как всё-таки ландыши бесподобно пахнут!

Дверь комнаты Гульсум оказалась запертой. Обеспокоенный парень постучал. Вскоре в дверь просунулась голова незнакомца и спросила грубо:

– Чего надо?

За дверью послышался голос. Неужели Гульсум? Но он не был похож на журчание серебристого лесного ручейка, а скорее напоминал струю хлорированной воды из крана и был неприятен. Чей же это голос? Он вроде бы и знаком был Фаннуру, а звучал в данный момент совсем как чужой.

И всё же это Гульсум! Ну да, да... Её голос! Её!

Кровь схлынула с лица парня, в глазах потемнело. Не видя и не слыша ни-

чего, он бросился к выходу. А на улице ветер продолжал свою безумную пляску, сметая на своём пути всё подряд.

...Утром перед общежитием собрался народ. Из-под поваленной берёзы кого-то вытаскивали. Человек прижимал к груди букетик ландышей, которые совсем не пострадали, были всё так же свежи, только стали ярко алыми, напоминая утреннюю зарю.

138

Платочек

Гамил был раздосадован, влетел к себе домой, резко хлопнув дверь. Он несколько раз прошёлся мимо дома Нафисы, но девушки не увидел. А ему нужно, просто позарез необходимо было увидеть её хотя бы краешком глаза. Вчера они встречались у родника, но поговорить не удалось, разговор никак не клеился. Так и стояли, глядя друг на друга, не зная, что сказать, пока девушка не проговорила смущённо: «Я пойду. Мама, наверное, уж потеряла меня».

Несмотря на вчерашнюю неудачу, он снова успел соскучиться. Что же с ним происходит? Неужели это и есть любовь? Он и думать не может ни о чём другом, как только о ней, о своей Нафисе. Её чёрные, как угольки, глаза, длинные иссиня-чёрные волосы, делающие её похожей на башкирку, загадочный смех, взгляд, от которого кружится голова. Похоже, любовь эта свила в душе парня гнёздышко, где они только вдвоём — он и она.

Гамилу захотелось полюбоваться хотя бы платочком, на котором вышит цветок мака, — подарком Нафисы. Он открыл дверцу шкафа... Постой, где же платочек? Ведь Гамил только что постирал его, выгладил так, что на нём не осталось ни единой морщинки, и сунул в нагрудный карман белой рубашки. Парень перевернул шкаф вверх дном. Платок исчез. Искал в сундуке, в тумбочке... Да как же это?! Бесценный подарок Нафисы он вложил в карман

своими руками! Платочек так дорог ему!

Гамил заметался по дому. И на книжной полке платка не оказалось. Он бросился к Галие, старшей своей сестре:

— Это ты взяла мой платок? Куда девала?.. — кричал он.

Как сбесившийся петух, он насканивал на сестру, не обращая внимания на её слова:

— Откуда мне знать, где твой платок?

Кончилось тем, что он схватил швейную машинку ни в чём не повинной сестры и грохнул её об пол. Но платок всё равно не нашёлся.

Гамил чувствовал себя так, словно у него выкрали сердце. Душа его была переполнена горечью. Куда идти, где искать? Голова уже не соображала...

В конце концов парень не выдержал, залез на сеновал и долго там бездвижно лежал. «Ну как же так?! Я ведь собственными руками сунул его в карман. Такой бесценный подарок любимой!»

...Через полтора года Гамил с Нафисой поженились. Они были счастливы. Родилась первая их дочка.

Однажды Нафиса пошла к соседке Хаят-апа. Дочь её на другой же день после свадьбы Нафисы с Гамилом покинула аул. Говорили, что живёт и работает то ли в городе, то ли ещё где-то. Хаят-апа год назад брала у них деревянную бочку под мёд и не вернула до сих пор. За ней-то и пошла Нафиса.

Под затычкой в бочке молодая женщина увидела какую-то пожелтевшую тряпицу. Она подняла её... На ней был вышит цветок мака! Так вот где оказался её подарок, некогда исчезнувший у Гамила столь таинственно.

Малина

В самый разгар лета, в июле того года, внезапно похолодало. В одночасье изменилось всё. Природа рано натянула на себя осенний покров. Мрачные тучи заслонили горячие лучи солнца.

Целыми днями дул пронизывающий ветер, ночью беспрерывно шли холодные дожди. Изгородь сада, рамы окон вспучились от избытка влаги. Малина на задворке, всегда такая крупная и сочная, съёжилась, измельчала от холода. Не желая расставаться с кустом, она как-то вжалась в него, будто прилипла.

— Заболела дочка соседки Ильги-зы, — со вздохом сказала мама Зуфара, войдя в дом. Она выходила во двор доить корову. — Позавчера был у нас день стада. Так вот, возвращаясь с выгона, девочка попала под дождь. Бедняжка вымокла до нитки. Надо же, и матери нет дома.

Как? Дочка соседки? Гульфия, что ли? До него не сразу дошло, о ком говорила мама?

— Мам, ты о ком?

— Да о Гульфийе же, сынок.

У Зуфара перехватило дух. Он почувствовал, как сильно забилося его сердце, по спине побежали мурашки...

Дочка соседки... Кудрявая, кареглазая Гульфия. Самая красивая девочка на их улице, в школе и даже во всём ауле. Карие глаза её будто излучают божественный свет, как утренняя заря! Зуфар любит во время уроков смотреть на неё, заглядывать в её задумчивые глаза, не слыша объяснений учителя.

Ах, эти её глаза! Весь мир озарили светом.

Зуфар уже почти джигит. Вот он схватил большую чашку и выскочил во двор. Он спешил за дом, туда, где растёт у них малина.

Солнце уже катилось за поплёкший горизонт. Слышно было, как в коровнике старая, довольная жизнью корова спокойно жуёт свою жвачку; как шумно вздыхает молодая корова, нагулявшаяся за день в стаде, как подают голоса овцы...

Зуфар долго из конца в конец лазил по малиннику. Ягоды осыпались, оставшаяся мелочь была водянистой и не-сладкой.

Сердце парнишки сжимал и не отпускал непонятный холодок. Он уже терял надежду набрать хороших ягод, как

вдруг под яблоней нашёл то, что искал. Кусты малины, укрывшись под деревом, росли, цепляясь за сучья. Раздвинув ветви, Зуфар замер от неожиданности: крупные ягоды налились соком и вот-вот готовы сорваться на землю. А сколько здесь белоснежных цветов, порождённых летней жарой и надёжно спрятавшихся от дыхания неожиданной осени! Это яблоня сберегла их в своих тёплых объятиях.

Зуфар несмело отворил калитку Гульфии. В жару она нещадно скрипела, а теперь промолчала. Не оттого ли, что здоровье Гульфии в опасности?

В доме тоже было тихо. Боксёр, место которого было на полу, устроился на жёстком стуле и молчал. Цветы герани, выстроившиеся на подоконниках, выглядели печальными.

Послышался сдержанный стон. Зуфар поспешил навстречу ему.

В комнате с чистыми тюлевыми занавесками на окнах в белоснежных простынях, утопая в пуховой подушке, лежала под ватным одеялом Гульфия. Девочка казалась похудевшей и бледной. Короткие кудри её разметались по подушке.

Она медленно подняла веки.

– Как себя чувствуешь, Гульфия?.. – спросил Зуфар дрогнувшим голосом.

– Хо-ро-шо-о... – протянула девочка, хотя всё было, конечно, не так.

– Гульфия, я собрал для тебя немного малины...

– Где взял?.. У нас её... давно уже... смыло дождями... – тихо проговорила она.

– Да уж нашёл. Ягоды эти не простые, а волшебные. От всех болезней спасают. Попробуй, сама увидишь. По цвету они, как твои губы, когда была ты здоровой.

Девочка посмотрела на него, словно бы спрашивая: в самом деле, что ли? Улыбнулась и поднесла одну ягоду ко рту.

В это время в дом кто-то вошёл. Это был отец Гульфии.

– А я-то думаю, кто это у нас? Оказывается, ты, братишка, – сказал он,

подойдя к дочери и положив руку на её лоб.

Перед тем как уйти, Зуфар коснулся горячими губами её слегка порозовевшей щеки и сказал:

– Поправляйся. А малину съешь. Обязательно съешь...

Не успел он договорить, как появился отец с чашкой горячего молока.

Гульфия проводила Зуфара долгим взглядом из-под тяжёлых век.

Утром, когда солнце нежно ласкало порозовевшее лицо Гульфии, она уже чувствовала себя хорошо, лучистые глаза её открылись окончательно. И мама вот-вот должна была вернуться из города, и погода, похоже, налаживалась. Девочка откинула одеяло и встала. Подойдя к зеркалу, увидела на столе пригоршню спелых, сладких ягод малины, оставшихся после вчерашнего угощения.

Волшебные, целебные ягоды!

Ремень

Вечером, вернувшись из школы, Айрат увидел на табурете в прихожей большой чёрный ремень. «Неужели Люция-апа, математичка, успела нажаловаться отцу?» – испуганно подумал он. Мальчик поставил сумку на пол, повесил куртку на крючок, скинул обувь. На нём лица не было. А всё она, «двойка», виновата, которую он схватил сегодня. Значит, отцу всё известно, он уж и ремень приготовил, который так похож на змею. Но почему же Айрат урок-то не сделал? Ну да, кино по телевизору, боевик, который показывают каждый день. Напрасно не послушался он маму. Надо было решить задачу, тем более, что она показалась ему лёгкой...

Айрат, как зачарованный, с ремня глаз не сводил. Перевёл взгляд на часы на стене, на дверь. Вот-вот должен вернуться отец, а Айрат с места сдвинуться не может, ноги будто приклеились к половику. В чёрных глазах застыла

тревога. При каждом скрипе мальчик вздрагивал. Он готов был сквозь землю провалиться, только бы с родителем не встречаться.

На часах без десяти четыре. Сейчас вернётся отец и задаст ему трёпку. Обещая купить на лето новый велик, отец ясно сказал, что выполнит обещание лишь в том случае, если Айрат будет хорошо учиться. А теперь по-прежнему придётся бегать за соседским мальчишкой и унижаться. Прощай, мечта!

Дверь открылась. Айрат слышал, как отец за спиной часто дышит, побледнел ещё больше. Он боялся обернуться, словно за спиной его был не отец, а страшный призрак. Округлившимися глазами он наконец уставился на родителя.

– А, сынок, ты уже дома! Что случилось? – спросил тот, взглянув на сына. – Здоров ли ты?

Мальчик молчал.

– А к нам дедушка в гости приехал! Он во дворе задержался, сейчас войдёт...

Айрат слышал отца будто во сне, ни слова не понимая. Неожиданно для себя самого он бросился к отцу и, громко плача, стал просить прощения:

– Папа, пожалуйста, прости! Я исправлю эту «двойку», буду слушаться старших...

Дедушка, войдя, спросил удивлённо:

– Что тут происходит? Какая муха укусила нашего сорванца? Ну, герой, как дела? – Увидев ремень, седовласый дед воскликнул обрадованно: – Так вот где он, а я искал! Вдуну-ка в брюки поскорее, а то свободны они без ремня, – добавил он.

Растерявшийся отец ругать сына не стал и даже погладил по голове.

– Ну, сынок, какой же ты простофиля, однако, – сказал он. – Надеюсь, такого больше не случится...

Айрат успокоился немного, но смотреть отцу в глаза было всё равно стыдно.

Две истории

В голову лезут странные раздумья, вспоминаются различные истории, порой кардинально противоречащие друг другу. Но это жизнь, и в ней всякое бывает – тёмное и светлое, горькое и сладкое... Кому как повезёт.

1

Осень. Конец октября. Волшебный, сказочный день. Дождь лил, лил и семь раз отмыл по-осеннему неприглядные улицы Казани. С неба тихонько падают звёздочки снега и застилают город. Какая красота! Даже смотреть на это удовольствие!

По аллее парка шагают двое – юноша и девушка. Дорога перед ними лучится тропами – направо и налево, прямыми и извилистыми.

– Давай остановимся здесь, – неожиданно предлагает Галия.

– Что случилось? – недоумённо спрашивает Халиль.

– Я думаю о нашем будущем, – как-то холодно и скучно заговорила девушка. – Оно беспокоит меня.

– Я люблю тебя. Чего же ещё? Мы обязательно будем счастливы. Если Аллах позволит, уже летом поженимся. Как-никак четвёртый курс заканчиваем.

– Я не выйду за тебя, – решительно заявляет она.

– Что?!

– Подумай, Халиль, что у тебя есть? Ни машины, ни квартиры. Хотя бы однокомнатная была. Родители нищие. По-русски это называется «ни кола, ни двора». Я думаю, что любовь – это не самое главное. Родители не для того растили меня, чтобы я, увлечшись джигитом, всю жизнь мучилась, устраивая своё благополучие. Мы не можем быть вместе...

Халилю вдруг стало казаться, будто с голубого туманного неба посыпалась чёрная сажа. Она с головы до ног перепачкала Галию. Лицо, одежду... Даже го-

лубовато-зелёные глаза девушки стали чёрными.

...Слева за дорогой у роскошного автомобиля стоит Исмаил, симпатичный парень в щегольском одеянии.

– Ты где, Галия? – кричит он сквозь снежный туман. – Идёшь со мной или нет?

– Сейчас, сейчас, – отзывается девушка и смотрит на побледневшего Халиля. – Я не англичанка, не имею привычки исчезать, не простившись. Прощай, Халиль, я ухожу. Галию твою ждёт безбедное будущее, – говорит она с усмешкой и бежит к Исмаилу.

Они садятся в автомобиль и исчезают за серебристым вихрем.

Халиль остался на перекрёстке дорог. Принято считать, что джигиты не плачут. И он не плакал, но, словно безумный, с головой ушёл в свою печаль. Ему было плохо. Халиль не знал, куда девать себя. Он огляделся безжизненным, потухшим взглядом. Ему казалось в ту минуту, что жизнь закончилась, и ничего хорошего ждать в будущем не приходится. Халиль кинул сухой взгляд на извилистую дорожку, что сворачивала вправо. Юноша знал, что в конце неё глубокий овраг, почти пропасть. Не задумываясь, он ринулся туда. Вот оно, избавление, совсем близко. Пятнадцать шагов... десять... Сейчас всё решится, земля примет его в свои объятия.

Пять шагов... Пропади оно всё пропадом! Три, два... Полшага...

Внезапно послышался милый девичий голосок.

– Остановитесь, что вы делаете?!

Кто это? Но остановиться он уже не мог. Было поздно. Халиль полетел вниз... Но сердце вдруг взбунтовалось, ему вдруг захотелось жить. Халиль уцепился за торчавшую из крутого склона трубу, глянул под ноги. Глубина оврага была бесконечна. А на дне скопище металлолома, огромные камни... Ах, как хочется жить!

Парень подтянулся на трубе, как на гимнастической перекладине, и выполз на снежный простор. Но никакой девушки не увидел. А в ушах всё звучал её

нежный голос. Кто же это? Райская гурия, ангел-хранитель?.. Кто бы там ни был, главное – он жив!.. Жив!.. Халиль отряхнул с себя землю, зашагал по извилистой тропе, затем по прямой аллее и вскоре затерялся в снежном тумане.

2

Из маленького, наполовину заledenого окошка покосившегося бревенчатого дома старая Карима-эби наблюдала за неторопливо падавшими хлопьями снега. Сегодня она простилась с восьмидесятой своей осенью. Старушка достала из запывившегося сундука тетрадку, где ещё в молодости делала записи. Дневник почти не изменился, не пожелтел за столько лет. Она листала его, печалилась и снова поднимала слезящиеся глаза на окошко.

Старая женщина помнила времена, когда аул был полон жизни. Как много было в нём тогда молодёжи! Старый Апсаям, которого вот уже десять лет как нет на свете, рос в этом доме. Кариме было восемнадцать, когда он привёл её сюда из соседнего дома. Душа в душу жили они с Апсаямом, весело хлопотала она по хозяйству! Восемь детей родились друг за дружкой. Хорошо было. Маленькие детки выросли, крылья вырастали у них, вот и начали улетать в город, который, как улей, битком набит людьми. Даже последний, самый маленький сынок, не пожелал остаться. Бросил отца с матерью, дом родной, в котором родился и вырос, покинул такой красивый Агидель с его извилистым течением, Кашлакский лес, золотые поля ржи... Как можно поменять эту божественную красоту на что-то иное! А широкие луга-тугаи? Пастбища?.. Детей невозможно понять. Чего им не хватало? Хоть бы навестил кто из них одинокую старушку-мать, поинтересовался, как ей живётся. Карима-эби очень, очень одинока. Нет у неё ни соседей, ни родственников. Только и есть, что кладбище, где покоятся её Апсаям, мать с отцом да дедушка с бабушкой.

...Из трубы дома, ушедшего в землю, более восьми десятков лет непрерывно поднимался душистый дымок. Теперь всё позади. И никто уж больше не узнает, как приятен был запал дубовых поленьев, горевших когда-то в печи...

Монолог простого человека

Ну да, я самый обыкновенный простой человек. И одеждой не выделяюсь – потёртые джинсы, свитер под самый подбородок, поношенные башмаки... Да и лицом не выделяюсь: нос как нос, брови как брови, глаза как глаза за стёклами очков. Нет у меня дорогого мобильного, нет экипировки по последней моде. То, что на мне, ношу уже не один год. И голова не выбрита под шахматную доску, и волосы не знакомы с дорогими гелями. Разве что с нитями серебра у висков.

Словом, человек я самый простой. Нет у меня и родственников, занимающих высокие кресла. Нет в моём лексиконе слов типа: «баксы», «откаты», «кайфовать», «кадрить»... И не «гибну я за металл». И жильё моё ничего особенного из себя не представляет. И что же?

Весьма прост я. Пусть иные живут в особняках и многокомнатных апартаментах, разъезжают по Гавайям и Майямы, гоняют на своих «мерсах»... Мне всё равно. Я доволен, что не страдаю общей гонкой за бытовыми прелестями, чрезмерными благами, не лезу куда-то, раздвигая других локтями, мне не нужны общественно-политические Эвересты. Я ко всему этому отношусь спокойно. Мне искренне жаль всякого рода карьеристов, новорушей, переживающих бурные восторги и стрессы на своём «деловом» пути. Неприятны горлопаны и демагоги, дельцы и политики, прущие, как танки, не разбирая дорог, без стыда и морали, с горящими

глазами и отсутствием серого вещества головного мозга.

Вы сочтёте меня чудачком и безумцем, от которого следует держаться подальше. А я – просто человек. Есть среди моих знакомых такие, что обожают указывать, как жить, к чему стремиться. На них я тоже смотрю с жалостью: «Эх, бедняги! Чем быть рабом потребления и приземлённых прихотей, не лучше ли летать свободной птицей?» Можно ли стать человеком, не зная подлинного труда, любимого дела, без халявы, без родственных и прочих связей? Надо различать простой достаток и чрезмерное обогащение. Жизнь, посвящённая золотому тельцу, – не жизнь. Мы уйдём, а барахло, счета в банках останутся... Жизнь человеческая коротка, и жаль её тратить на тщету, на пустое накопительство.

Мы, похоже, забываем о том, что существуют на свете простота, умение понимать других, ставя себя на их место. Человек не уйдёт далеко, если будет задирать нос, не замечая никого вокруг. Он обязательно споткнётся когда-нибудь и упадёт.

Я же прост сам по себе. И душа у меня простая. И нет в ней зависти, злобы, прочей накипи. И жизнь мне в радость... Потому что весной люблю слушать вернувшихся скворцов, летом получаю много удовольствия и здоровья, бродя в полных таинственности лесах, гуляя на широких лугах. Я улыбаюсь, смеюсь. Осенью при виде увядающей природы грущу. Зимой радуюсь снегу, нравится мне в сугробах валяться... Хорошо! Какое наслаждение!.. А кому-то это удовольствие не доступно, он, бедняга, разучился общаться с природой. А в жизни тем временем столько красоты! Умей только находить её и чувствовать!

Вот такой уж я человек. Порой грущу, печалюсь, порой радуюсь. Душа моя всегда распахнута навстречу добру. Но злым делам в ней места нет.

Я не одинок, потому что умею искренне любить. Любовь взаимная не обходит меня стороной. Сердце моё – не

Сон наяву

камень, не ледышка, оно живое, порою беспокойное, порою уравновешенное, но всегда любящее и открытое для добрых людей.

Душа

Что-то странное стало твориться с душой моей. До того дня она была словно закована в лёд. И вот, как бабочка, внезапно прослышавшая среди зимы тепло солнечных лучей, вдруг зашевелилась. А вскоре уже, сбросив ледяную корку, затрепыхалась, взмахивая крылышками возле заснеженного окна, из которого в тёмную комнату проникал скупой мутный свет. Какое-то чудесное дыхание пробудило её ото сна, вздуло в ней искры пламени. Душа раньше срока спешила оживить дремавшие где-то прелестные весенние деньки, приблизить их.

Так что же случилось с душой? Не терпится ей пробить заledenелое стекло и вырваться на свободу... Но за окном адский холод, пробирающий до костей. Что со мной? Понять не могу. И кажется мне, что ответ на свой вопрос я найду лишь за окном. Там всё станет ясно...

Отыскав крохотную лазейку, душа вырвалась и метнулась в объятия морозной зимы. Она летела над землёй, летела и принесла-таки с собой весну, щедро раздала тепло всему миру, рассыпала, рассеяла его повсюду. А сама обернулась в шелест листвы зелёных деревьев, покрытых белыми цветами, в не молкнущий птичий звон, и растаяла среди ласковых лучей солнца, превратившись в весенний ветерок. Она стала душистым нарциссом, сладкозвучным соловьём, поющим вечную песню любви. Какое счастье! Ах, какая радость! Душа отдалась таинственной силе волшебных чувств...

Ну да, да, только всемогущая чистая любовь способна на такие чудеса, только она может принести с собой вечную весну! Только она одна...

Проходя по коридору, я вдруг услышал какую-то редкой красоты и нежности мелодию. Что это? Откуда льётся это чудо? Из-за семи небесных куполов?.. Из иного, нездешнего мира?.. Душа моя была потрясена и требовала немедленно выяснить, откуда.

...Дверь была закрыта. Внутри кто-то играл на пианино. Душа моя таяла от наслаждения, сердце, затравленное равнодушием, замерло на время. По всему телу разлилось ощущение бесконечного счастья. Я не выдержал и, открыв дверь, ступил внутрь.

За пианино в углу комнаты сидела незнакомая девушка. Одежда на ней была столь белая, что глазам больно было смотреть. Её тонкие пальцы касались клавиш так нежно, что казалось, будто руки порхают над клавиатурой, и инструмент, ощущая тепло души незнакомки, её искреннее чувство, захмелело, поддавшись её чарам, и играет сам по себе, погрузившись в негу и удовольствие.

Девушка меня не видела. Она целиком была во власти музыки. И ничего другого ей, казалось, не было нужно — ни окружающего мира, ни шумной жизни. Она напоминала маленькую птицу, затерявшуюся между двумя мирами — мечтой и явью.

Я сидел и слушал... Мне было радостно. Казалось, волшебная сила наполняет сердце энергией, а потоки крови в жилах бегут, подчиняясь мелодии. Из головы исчезли все переживания, мне было легко и хорошо. С весенним ветерком из окна в меня вливались светлые чувства счастья, радости, чистоты. Всё это и есть сила жизни. Ах, как хорошо! Я словно воспарил к белым облакам и тихо качаюсь на них. Так вот где оно — счастье-то! А мы все недовольны и проводим жизнь в пустой суете. Оказывается, для счастья человеку надо совсем мало. Эх, так бы и исчез навеки в волнах божественной музыки!

...Я открыл глаза. За окном было темно, а в комнате горел свет. Девушки не было. А пианино не успокаивалось, в нём продолжали дрожать и гудеть струны. Может, мне всё только пригрелилось? То ли шум в ушах, то ли звучат струны моей собственной души? Да, счастье свило во мне гнездо, и теперь всё существо моё непрестанно слышит чудесную мелодию...

Достаточно одной песни

Вчера я слышал: кто-то пел...

Г. Тукай

Половина двенадцатого ночи. Студенческое общежитие готовится ко сну. Только мы с другом спать не собираемся, сели конспектировать задание. Форточка была открыта.

На улице кто-то внезапно рванул меха гармони. Я вздрогнул от неожиданности. И полилась мелодия известной песни «Кубалягем» («Бабочка моя»)! Гармонист запел:

Если бабочка присядет,
Колыхнётся ли цветок?..

Звучала родная татарская песня. Было странно слышать её: я уже успел привыкнуть к тому, что в городе люди равнодушны к нашим песням.

И в самом деле, кто бы мог подумать, что здесь, где чаще звучит русская речь, среди ночи запоют под гармонию татарскую песню?! Такого нет теперь даже в аулах...

...Под горою, под горою
Круглый стылый родничок...

Здорово! Хорошо-то как! От знакомой мелодии сердце полнится счастьем. На глаза наворачиваются невольные слёзы.

...Мотыльков на свете много,
Только смелых не видать...

Хотелось выбежать на улицу и посмотреть, кто поёт. Это же наша, родная, татарская песня! Перед взором возник аул, где давно уже не слышно гармони... Эх, жаль, что не умею играть на баяне, а то показал бы им! Сразу же проснулся бы наш утративший былую энергию аул!

Я подошёл к окну. Песня стихла.

И вдруг звонкий юный девичий голос прокричал на весь мир:

— Я люблю тебя!

Что это?.. Неужели ко мне вернулось прошлое?.. Времена перепутались что ли?.. Или волнения, чувства, запрятанные в глубине души, вдруг вырвались наружу?..

Да, такое случается. Чувства порой пробуждаются и трогают запылившиеся струны души, возвращая их к жизни. Оказалось, для этого достаточно одной татарской песни. Эх!..

*Перевод с татарского
Азалии Килеевой-Бадюгиной*